

Венсан Кассель: «Все поголовно звезды, и потому никто не звезда»

В МОСКВЕ ПОБЫВАЛ САМЫЙ
ЗНАМЕНЫЙ ИЗ МОЛОДЫХ
АКТЕРОВ СОВРЕМЕННОГО
ЕВРОПЕЙСКОГО КИНО

ЭКСКЛЮЗИВ

Антон ДОЛИН

Француз Венсан Кассель — звезда «Ненависти», «Добермана» и «Необратимости» — представил в России свой новый проект: фильм ужасов «Шайтан», где он не только сыграл безумного фермера-сатаниста, но и выступил в новой для себя роли продюсера. В канун Каннского фестиваля, на котором артист будет вести церемонию открытия и закрытия (пока его жена Моника Белуччи будет заседать в жюри), Венсан КАССЕЛЬ встретился с корреспондентом «МН» и ответил на его вопросы.

— Вас самого не удивляет, что в фильме «Именинница» вы играли русского, причем русского бандита?

— Удивляет. Меня и само предложение такой роли удивило. А ужас, который я испытал, когда узнал, что мне придется играть по-русски, на языке, который я не знаю... Не только разговаривать на нем, но и ругаться! Не выучишься же говорить без акцента на незнакомом языке за время съемок. Когда я узнал, что мне предстоит сыграть семиминутную сцену по-русски, я с трудом заснул ночью накануне этого съемочного дня... А как я готовился к роли! Ходил по улицам Парижа, выискивал глазами русских, которых там, по счастью, хватало, и пытался их симитировать. Мой герой, конечно, не вполне русский: он воспроизводит стереотип восточноевропейца. Были, конечно, в той работе и преимущества. Например, вытащить за компанию моего приятеля Маттье Кассовица. Да и сыграть в одном фильме с Николь Кидман — дело хорошее.

— Ваш французский фильм, «Шайтан», по-вашему, понравится россиянам?

— Мне самому интересно, как отнесется к этому опыту публика за пределами Франции... Могу сказать на правах продюсера: мы не пытались понравиться какой-то особенной части аудитории, чем-то ее подкупить. Я, однако, надеюсь, что фильм будет иметь успех. Знаете почему? В нем скрыта не фальшивая, а подлинная энергетика. Как в «Необратимости» Гаспара Ноэ. А это — самое важное. Мы делали фильм единственным возможным образом, мы не могли сделать его иначе! Может, это почувствуют и люди за границами нашей страны?

— Бертран Блие, стареющий уже классик французского кино,

отзывался с большим скепсисом о современном кинематографе, но выделял компанию молодых режиссеров, у которых, по иронии судьбы, снимались именно вы: Ян Кунен (автор «Добермана» и «Блуждущий»), Гаспар Ноэ...

— Я знаю, что они иногда ужинают вместе — Блие и Гаспар с Яном. Еще приглашают Альбера Дюпонтеля. А меня не зовут. Хотя я более-менее дружу с каждым из них... собственно, кроме Бертрана Блие. С ним я совсем недавно познакомился благодаря моей жене Монике Белуччи: она снималась в его последнем фильме.

— И вы, и Моника — самостоятельные и независимые творческие единицы. Без труда уживаетесь друг с другом?

— По многим важным вопросам у нас совершенно противоположные точки зрения. Она женщина! И она итальянка! Мы, конечно, разные... Но не стал бы ведь я влюбляться в самого себя. Знаю одно: она иногда куда больше меня склонна к безумствам самого разного рода.

— Одно из которых — то, что она снялась в эпизодической роли вампириши в «Шайтане»?

— Да это просто невинная семейная шутка. Такие уж были съемки — один из моих лучших друзей, вовсе не актер, сыграл там аж три эпизодические роли. А сцену с Моникой мы вообще чуть не вырезали. Хотя она забавная — и напоминает о том, что Моника начинала в кино именно в роли вампира, в «Дракуле» Брэма Стокера» Копполы.

— У вас с Моникой — одна профессия на двоих, хотя вместе вы снимаетесь не так уж часто. А почему? Не верите в киносемейный толк?

— Да нет, я не имел еще возможности разочароваться в семейных

Моника Белуччи и Венсан Кассель: связанные любовью

ценностях. Напротив, стараюсь работать с теми людьми, к которым отношусь как к членам семьи: с Яном Куненом, Маттье Кассовицем... Но таким «творческим браком» — я не говорю о своем браке с Моникой! — необходимы разводы, иначе долго вместе не прожить.

— Эта склонность к семейственности — французская черта?

— Не уверен. Я не считаю себя стопроцентно французским актером. Во всяком случае те фильмы, в которых я снимался, не заставляют меня чувствовать принадлежащим к той или иной национальной системе ценностей.

— Да, вы известный космополит, и именно ваш персонаж в «Ненависти» предсказал «проблему парижских предместий»...

— Курьез в том, что я, хотя и вошел в кинематограф в роли пареня с окраин, сам-то родился в Париже во вполне благополучной семье. Когда мы снимали «Ненависть», я чувствовал себя просто ужасно; мне хотелось побыстрее выбраться из предместий. Депрессивные места. Тогда я и подумал, что вечно так продолжаться не может: рано или поздно жители предместий устроят революцию и сожгут пол-Парижа. Удивляет меня только то, что случилось это десять лет спустя после «Ненависти» и в столь мягкой форме. По меньшей мере, это были всего лишь дети. И никто не погиб. Не хочется быть пророком в такой ситуации, но, думаю, еще лет через десять то же самое произойдет опять и обернется не столь благополучно.

— Вы, похоже, единственный молодой французский актер, который не работал с Люком Бессоном. Почему?

— Ничего не имею против него, но его цинизм меня смущает. Помоему, не надо заигрывать с молодежью и подкупать ее такими дешевыми способами, даже если ты делаешь кино именно для тинейд-

Когда я узнал, что мне предстоит сыграть семиминутную сцену по-русски, я с трудом заснул ночью накануне этого съемочного дня... А как я готовился к роли!

жеров! Не надо закармливать их Макдоналдом. Сам-то Бессон далеко уже не ребенок. Он расчетливый человек. Сидит у себя в офисе и думает: «Сюда мы добавим немножко кунг-фу, а тут начитаем реп — и они купятся!» Потом зовет молодых режиссеров и заставляет их плясать под его дудку. А я стараюсь делать в кино противоположные вещи.

— А с другим режиссером и продюсером — правда, более известным в качестве актера, — Джорджем Клуни, вам удалось найти общий язык на съемках в «Двенадцати друзьях Оушена»?

— Да, мне повезло познакомиться с Клуни — человеком щедрым и умным. Общаться с ним — одно удовольствие. Хотя, если честно, до нашего знакомства я в этом

сомневался. Впрочем, не спрашивайте меня об этом: я не международная звезда, а просто актер, который снимался в небольших ролях за рубежом. Вообще сегодня звезд уже нет, они исчезли. Все поголовно звезды, и потому никто не звезда.

— То есть священного трепета на съемках «Цены измены» с участием Клайва Оуэна и Дженнифер Энистон вы не испытали?

— Да нет, нормальная работа — тем более что режиссер Микаэль Хофстрем был не американцем, а шведом. Европейец все-таки. Единственное неудобство было в том, что продюсеры настаивали: с экрана не должно слышаться слов «черт», «блин» и «господи», а у моего персонажа практически не было других реплик, кроме содержащих эти запретные слова. Ну, я искал заменители. Такая вот цензура.

— Какого следующего фильма с вашим участием нам ждать?

— Он будет называться «Враг общества номер один». Фильм Жана-Франсуа Рише, где кроме меня сыграет еще и Ален Делон, — первый опыт освоения в кино жизни главной знаменитости 1970-х во Франции Жака Месрина. Я исполню его роль. Он действительно был главным врагом Французской Республики! Он был против полиции, против властей, против мафии и бандитов. Один против всех. Никто не мог его найти, но в один прекрасный день он звонил в «Пари-Матч» и давал им интервью! Полицейские пристрелили его посреди улицы, без суда и следствия, потому что он был опасен не столько для рядовых граждан, сколько для коррумпированных политиков.

— Эта роль привлекательная, сомнений нет. А какие роли вас пугают?

— Меня пугают не роли, а плохие режиссеры. Я терпеть не могу сниматься в классических фильмах, вторичных фильмах, скучных фильмах.

— Если фильм, в котором вы снялись, не нравится публике или критикам, как это случилось с недооцененной картиной «Блуждущий», вас это огорчает?

— Не то чтобы огорчает, но, конечно, настроение портится. Когда

«Шайтан» Касселя — атака энергии

17.05.06
Кассель Венсан